

Газета В. Б.

16/17-88

«Немцовский»

6 НОЯ 1988

г. Фрунзе

ИСКУССТВО

Давно ли мы сетовали на беды нашего Русского драматического театра имени Н. К. Крупской, давно ли сокрушались по поводу его, казалось, близкого упадка, разброда, царящего в нем, серых неинтересных спектаклей и, как результат угасающего интереса к нему зрителей.

И страдали не только зрители, тосковал и сам театр, актеры — каково им было играть при пустом зале.

Но вот появился человек, которому суждено было сыграть в жизни нашего драматического очень важную роль. Это главный режиссер театра русской драмы им. Н. К. Крупской Владислав Борисович Пази.

Уже в 1980 году, когда Пази приезжал к нам по приглашению уже тогда его спектакли здесь выгодно отличались глубиной содержания, оригинальностью, яркостью формы, свежестью. Напомню эти спектакли: «Декамерон», Ф. Боккаччо, идущий на сцене театра и до сих пор, пользующийся неизменным успехом.

Спектакль А. Казанцева «Старый дом», искренне любимым артистами и сохранный ими тоже на протяжении восьми лет.

Позже спектакль «Смотрите, кто пришел», по пьесе Р. Арро, имеющий также большое признание и оцененный достаточно высоко в Москве.

Последние два года, когда на сцене идут такие спектакли как «Друзья» Кобо Абэ, «Костюмер» Р. Харбуа, «Диктатура совести» М. Шатрова, «Колыма» И. Дворецкого, «Звезды на утреннем небе» Л. Галина, люди с недоверием заходя в стены театра, уходят приятно удивленные, потрясенные и радостные. Театр, превращая в реальность мечты всех театралов, становится активным культурным центром их встреч, дискуссий, обсуждений. В прошлом сезоне театр не затихал ни днем, ни ночью, ибо дискуссии, которые устраивались порой спонтанно самими зрителями, могли продолжаться до глубокой ночи. Это было радостное и напряженное время и для актеров. Не успев завершить сезон здесь, во Фрунзе, труппа двинулась на гастроли в разные города, и первым городом была Москва...

То, что было в Москве — чудо, происходящее на глазах. Гастроли шли по нарастающей, строгая ее публика теплела, рождались дорогие обим сторонам контакты, появлялось взаимопонимание, признание...

Потом Владивосток и Камчатка, и тоже успешно.

Что увидят зрители в новом сезоне? Каковы планы театра и его лидера? И вообще, что из себя представляет этот лидер, главарь, человек, которому театр обязан своим возрождением!

Итак, знакомьтесь: Владислав Пази.

„ТЕАТР—ЭТО ТРУД ДУШИ...“

Владислав Борисович, что, по-вашему, театр?

— Театр — это вообще модель жизни. Но театр — это прежде всего игра. И отличается он от любого другого вида искусства тем, что эта игра происходит здесь и сейчас, зрители являются ее свидетелями и участниками здесь и сейчас. Вот это, мне кажется самое главное.

— Какую роль вы отводите театру в жизни людей?..

— Ну видите, важно какую роль люди отводят театру в своей жизни. Моя задача, как режиссера, заключается в том, чтобы они отводили театру хотя бы какую-то роль...

Я думаю, что театр, как любое другое искусство, должен обращаться к человеческой душе. Мы сейчас много говорим и много у нас возникает негативных эмоций по поводу пересмотра самых разнообразных догм, в которых мы воспитывались; но предметом исследования театра все-таки является не столько социальное устройство общества, не столько какие-то проблемы, связанные с историей и т. д., сколько, и прежде всего, человек. Обращение человека к себе, к душе.

«Человек — мера всех вещей» — сказано в одной из самых великих пьес мировой драматургии.

— В чем суть профессии режиссера?..

— Знаете, есть такая шутка — когда человек ничего не умеет делать, он идет в режиссеры, потому что делать ничего не надо, только учить других. А если серьезно, театр — искусство коллективное, а во всяком коллективном деле нужен лидер. На протяжении веков лидерство в театре принадлежало людям разных профессий. Иногда ведущая роль была за драматургом, чаще за актерами, в 18 столетии были даже спектакли, где ведущая роль ложилась на сценографа. Театр же 20 века пришел к спектаклю как к целостному произведению искусства. И режиссер

призван создать вот это органичное целое из усилий многих людей. Одна из самых главных забот режиссера — создать художественную цельность спектакля. Режиссура — искусство, родившееся в 20 веке.

Когда-то Немирович-Данченко назвал три главные функции режиссера — режиссер — толкователь, режиссер — зеркало, в котором видит себя актер и режиссер — организатор всего дела. Вообще режиссер — профессия, требующая много разных качеств, помимо одаренности.

— Режиссер обязательно должен быть талантливым актером!

— Нет не обязательно. Хотя, конечно, он должен обладать какими-то актерскими навыками. Он должен быть актером для актеров. Человеческое поведение, т. е. то, что пытается воссоздать на сцене режиссер вместе с артистами, нельзя выстроить только рационально. Нужно обязательно тратить часть себя, своей психики. Это как ток...

Режиссер должен быть как бы электрическим проводником между источниками энергии — драматургическим материалом и источником света — актером.

— Вы согласны с тем, что автопортрет режиссера — его спектакли!

— Да, безусловно, потому что как художник он больше нигде не проявляется. Он может выступать с какими угодно декларациями, но его портретом, и как человека, и как режиссера, являются его спектакли.

— Вы всегда ставите то, что вам хочется?

— Да, почти всегда. Несмотря на то, что большая часть моей режиссерской биографии прошла во времена, которые мы все сейчас дружно называем застойными, тем не менее, мне повезло — как-то удавалось ставить, в основном, то, что хотелось. Было случаев два у меня в жизни, когда приходилось

совершать над собой насилие, и это были провалы.

— Кто из режиссеров вам близок как художник и как человек?

— Я — ленинградец, с детства воспитывался на спектаклях психологического театра Г. Товстоногова, и его мастерство меня восхищало всегда. Очень высоко я ценю наследие Н. П. Акимов, человека ренессансной одаренности, ухитрившегося в страшные времена, в конце 30-х годов, создать один из самых рискованных театров неповторимой индивидуальности. С огромным уважением отношусь к гражданскому мужеству Олега Ефремова, хотя какие-то его вещи чисто режиссерские не всегда меня привлекают. Чрезвычайно интересен мне Марк Захаров. Я считаю, что это тоже яркая индивидуальность, человек, точно чувствующий, что происходит в зале, точно умеющий аккумулялировать ток, идущий от зала и вернуть туда художественный разряд умноженной мощности, что и объясняет успех его спектаклей.

— Владислав Борисович, трудно быть главным режиссером!

— Главным режиссером быть трудно... но интересно.

— Какие у вас возникают проблемы чисто творческого плана?

— Творческие задачи мои как главного режиссера, заключаются, прежде всего в том, чтобы создать из нашего театра коллективного художника, интересного зрителю. Ну а для этого нужно разрешить множество самых разных проблем.

— Вы воспитанник ленинградской театральной школы. Вы чувствуете в себе эту школу?

— Понимаете, все, что мы носим с собой, все закладывается в нас в детстве и юности. Я имею в виду основы не знаний (их потом можно набрать), а основы личности. И если во мне есть

это, значит, оно как-то проявляется. Если такой — «Быть ленинградским режиссером», — я не ставлю. Видите ли, всякая режиссерская индивидуальность хороша тогда, когда она проявляется естественно. Как только она начинает проявляться натушно, как вообще любая индивидуальность в искусстве, начинает кричать о себе, это перестает быть органичным.

— Владислав Борисович, не могли бы вы назвать фрунзенские спектакли, в которых максимально осуществились, реализовались первоначальные задумки, намерения, мысли!

— У меня есть несколько спектаклей, которые я очень ценю. Это самый первый спектакль, который я поставил здесь в 1980 году — «Игра в джин». Здесь нашлось интересное решение, была замечательная работа исполнителей главных ролей Л. Яснового, Т. Варнавских. К сожалению, этот спектакль не нашел тогда понимания и прожил недолго. Спектакль «Старый дом» А. Казанцева, который я люблю и люблю его актеры, и берегут и сохраняют как некий художественный камертон театра. Мне кажется в нем много души. В Москве мы показали его автору, который тепло отнесся к этой нашей работе. Еще один спектакль «Смотрите, кто пришел» В. Арро, он, кстати, имел наибольший успех в Москве. Эти спектакли не новы, но поскольку они живут, я бы хотел, чтобы фрунзенский зритель обратил на них свое внимание. Последний спектакль, он всегда дорог. Я говорю о «Плахе» Айтматова.

— Что вы чувствуете по окончании удавшейся или неудавшейся работы?

— Во-первых, не всегда ясно до самого конца, удалась она или не удалась. Это не бывает ясно даже после премьеры (ну, если конечно, это не открытый провал)... Самые разные чувства бывают... Знаете, чем сложнее

наша профессия? Тем, что ей никогда нельзя овладеть в полной мере. Каждый раз начинаешь работать с ощущением того, что все это может провалиться, что все это авантюра. И такое ощущение не покидает до конца... Чувство творческого удовлетворения возникает прежде всего от процесса работы — если удалась репетиция, если у актера что-то получилось. Дорог момент, когда видишь, что начинает появляться «физисномия» спектакля. Но вообще, после премьеры любой — ощущение пустоты, исчерпанности, непонимания, чем занимаешься дальше... Пока не начнешь новую работу.

— С каждым спектаклем вы растете или исчерпываете какие-то режиссерские находки, приемы, фантазию?

— Я не знаю, расту я с каждым спектаклем или нет. Не мне об этом судить. Мне просто хочется постигать разные стили, мною неисследованные. В этом смысле всегда интересна проблема жанра. Нас упрекают за то, что мы ставим такие разные спектакли. Но мне кажется, что надо стараться брать разнообразную драматургию, следовать тем законам, которую она с собой приносит, и тогда мы сами не будем замыкаться в рамках какой-то одной художественной манеры.

— Что в себе самом помогает вам в работе, что мешает!

— Помогает, думаю, то, что я обладаю терпением и выдержкой — необходимыми для режиссера качествами. А не хватает, ну, что ли организаторского темперамента, в объеме, нужном для главного режиссера во всяком случае.

— Что для вас важно в актере!

— Прежде всего дарование... Чувство правды. Очень трудно работать с актером, у которого утрачено чувство правды. Важно, чтобы актер был способен чувствовать ансамбль, партнера... Умение найти контакты с коллегами и со зрителем.

— В Москве на обсуждении гастролей вы сказали, что хотели бы узнать, правильный ли путь выбрал театр. Не могли бы вы сформулировать этот путь, по которому дальше пойдет театр!

— Я уже говорил, что не люблю деклараций, так как всякая декларация ограничена сама собой. Мне хотелось бы, чтобы путь театра прослеживался в том реальном, что он делает — в спектаклях...

— ...В таком случае, какие спектакли увидит наш зритель в новом театральном сезоне!

— Мы поставили перед собой задачу обновить наш репертуар. Кроме того, внутри нашего коллектива появилось новое образование — тюзовская группа. У нас в городе нет ТЮЗа. Поэтому ребята, приехавшие к нам из разных театральных институтов и училищ, будут вместе с нашей труппой работать над детским и молодежным репертуаром, и выполняя те функции, какие обычно лежат на ТЮЗе. Подобранный путь неисследованный, и, по моему, довольно интересный. И вот готов самый первый спектакль для юных зрителей. Работала над ним совсем молодой режиссер Эльвира Ибрагимова. Называется он «Пеппи, длинный чулок» А. Линдгрен.

Если говорить о взрослых спектаклях, то во время Айтматовского фестиваля состоялась фрунзенская премьера «Плахи». Первое представление этого спектакля состоялось в Москве. Затем премьера спектакля по пьесе ленинградских драматургов Н. Гиндина и В. Синакевича «Зверь». Спектакль о любви, о внимании к человеческой индивидуальности. Пьеса написана в чрезвычайно редком жанре антиутопии. Ставит ее молодой ленинградский режиссер Александр Веселов. Он же поставил еще один

психологический спектакль на малой сцене — «Четыре вопроса» Ставицкого. Этой вещью мы продолжим разговор, начатый «Колымой».

Я сам работаю над произведением тоже достаточно необычным — это повесть-сказка Василия Шукшина «Точка зрения», по жанру нечто странное, близкое к фантастике.

Ну и, наконец, в декабре должен выйти спектакль по пьесе литовского драматурга Монвилла «Страстное желание», которую будет ставить известный уже во Фрунзе режиссер Владимир Иванов (его спектакль «Любовь, джаз и черт» имел когда-то большой успех). Составляя репертуар, мы прежде всего пытаемся сохранить уровень серьезного разговора со зрителем... Если в прошлый сезон мы больше говорили о социальных проблемах, то сейчас, не оставляя этих тем, хотим поговорить еще и о других, не менее важных. О том, что есть человек в этом мире, и о наших взаимоотношениях с целым рядом таких моментов в жизни, которые предстоит пережить любому человеку... любовь, смерть. О смерти мы как-то стараемся не думать. Но все мы смертны, и всем нам необходимо мужество осознать это... Толстой говорил, что один день, прожитый человеком без осознания того, что он умрет, прожит им впустую. «Страстное желание» — спектакль, который поднимает такие проблемы.

Все эти спектакли зрители увидят до нового года... Мы будем приглашать разных режиссеров отовсюду. Моя режиссерская монополия закончится. Возможно, у нас появится какое-то международное сотрудничество. Также не исключено, что в нашем театре будет ставить свой дипломный спектакль выпускник Ленинградского института. Так что... планов много.

— На какого зрителя вы ориентируетесь?

— На зрителя самого разного. Очень важно и приятно для нас то, что в театр пошла. Хочется, чтобы было больше молодежи. Раньше заманивали молодых людей в театр дискотеками. Это было ужасно. То есть дискотека — это совсем неплохо, но не в стенах театра. Театр создан для другого. Мы хотим быть интересны всем. Но самая главная наша задача — чтобы театр был содержательным. К сожалению, эстетические вкусы находятся в удивительном состоянии. Мы так убоялись людей тем, что у нас самая читающая страна, самый понимающий зритель... Все это далеко не так. Необходимо понять, что восприятие искусства — это труд души. Постараемся, чтобы все вещи, над которыми мы будем работать, были эстетически содержательными. Но и от зрителя ждем определенных движений навстречу, определенных душевных затрат.

— Владислав Борисович, то, что сейчас активизируется жизнь на периферии — это закономерное явление!

— Да, это явление закономерное и замечательное. В прошлом году я не мог нарадоваться, глядя, как люди ломались на фестивали фестивалей. Шли лучшие фильмы мира. И тут же я видел, как ломаются на наши «Звезды»... А чуть позже было трудно попасть на «Виртуозов Москвы», на Ленинградскую капеллу, в Кирдрану на спектакль «Ночь развода»... Это говорит о том, что что-то меняется, что-то происходит. Децентрализация духовной жизни — явление просто необходимое. Фрунзе ожил. Прошло большое, необычное для всех грандиозное театральное событие — фестиваль, посвященный 60-летию Чингиза Айтматова. Такого количества великодушных театров, интересных людей, горячих дискуссий город еще не видел. Я рад, что все это происходит. Появляется огромный стимул для творчества!

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Плаха».

Фото В. НЕЙМАНА.

М. БАРШАЙ, студентка КГУ.